

О КОМПОЗИЦИОННЫХ ФУНКЦИЯХ ГРАФИЧЕСКИХ ФОРМАНТОВ В ПОЭМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»

Статья посвящена графике поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»; анализируются графический эквивалент текста, «лесенка», курсив с точки зрения их функций; указываются случаи совмещения формантов графики; показывается взаимодействие графики с ритмом и синтаксисом.

Ключевые слова: Лермонтов, поэма «Демон», графика, графический облик произведений, форманты графики, графический эквивалент текста, «лесенка», курсив.

Поэзия М.Ю. Лермонтова всегда активно изучалась и продолжает изучаться, но, насколько нам известно, ни одна из работ не была посвящена её графическому облику. В данной публикации мы обратились к вопросу о графических формантах в романтической поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839), поскольку наши разыскания позволили выявить лишь отдельные упоминания Е.В. Логиновской о «ряде точек» [6], И.Б. Роднянской об «отточиях» [7] в тексте поэмы. Из формантов графики выделим те, которые активно использовали русские поэты XVIII–XIX веков, и которые изучались нами на материале А.С. Пушкина [4], Ф.И. Тютчева [1], Н.А. Некрасова [2] и др.: курсив (шрифтовое выделение слов), «лесенка» (графический разлом строки, лестничная разбивка стиха) и графический эквивалент текста¹ (графическая замена словесного текста знаками). Максимальное их применение было зафиксировано нами в поэзии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова [3].

Обозначенные форманты графики встречаются в поэзии М.Ю. Лермонтова 755 раз, а в поэме «Демон» – 11 раз: 1 курсив, 4 графических эквивалента текста (ГЭТ, отточие) и 6 «лесенок». Проанализируем данные графические приемы в порядке их появления в тексте произведения.

Поэма состоит из двух частей, каждая из которых имеет 16 глав. Как отмечают исследователи, композиция отличается, с одной стороны, последовательностью и стройностью, а с другой стороны, «мы видим... резкость, клочковатость в передвижке отдельных эпизодов» [9, с. 527–528]. Это сложная композиция, и, возможно, графические форманты проясняют сюжетно-фабульную форму поэмы.

Первым появляется графический эквивалент в эпизоде, который мы считаем завязкой. Демон, впервые увидев Тамару, почувствовал «необъяснимое волненье». Перечисление нахлынувших на героя чувств завершается ГЭТ, тем самым обозначается невозможность отметить все, что произошло в «немой душе» «изгнанника рая»:

В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забуть? – забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!..

Х

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый... [5, с. 282]

Согласимся с И.Б. Роднянской, которая, говоря о роли отточий в поэме Лермонтова, отмечала, что «они замещают... те душевные движения героев, о которых автор предпочитает не говорить прямо, всякий раз прерывая развитие психологической темы в «горячем» месте» [7]. Добавим, что данный эквивалент текста маркирует также смену ракурса повествования от Демона и его переживаний к жениху Тамары.

После гибели жениха Тамара посещает «волшебный голос», успокаивает её, манит к себе с любовью. Тамара в смятении от «пришельца» («Меня терзает дух лукавый / Неотразимую мечтой») и уходит в монастырь, где «он» вновь является героине. Тамара томится, живет в его ожидании:

¹ Ю.Н. Тынянов впервые употребил понятие «эквивалент текста» и определил его следующим образом: это «все так или иначе заменяющие его внесловесные элементы, прежде всего частичные пропуски его, затем частичная замена элементами графическими и т.д.» [8, с. 43].

Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться –
А сердце молится *ему*... [5, с. 291]

В этом случае курсив – «*ему*» – выполняет функцию выделения «условного понятия»: героиня не знает имени «пришельца», кто «он», но «он» сильно волнует девушку. Следующий фрагмент текста изображает Тамару, охваченной страстью к «нему», что заканчивается двумя строками точек:

Пылают грудь её и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятая жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...
.....
..... [5, с. 291]

По мнению Е. Логиновской, эта «затянутая пауза» «как бы продолжает во времени картины и сцены, описанные в предыдущей строфе и раскрывающие душевный мир героини. Но то же многоточие может восприниматься и как переключка с душевным состоянием Демона» в IX строфе первой части, «посвященной обновленным переживаниям героя и также завершающейся многоточием» [6, с. 42]. На наш взгляд, эквивалент текста здесь не только скрывает муки одиночества героини, высокую степень её волнения и эмоционального напряжения, но и одновременно выделяет переход повествования от Тамары к объекту её страсти – Демону.

Демон, прилетев в обитель, встречает херувима, который был недоволен появлением «духа порочного»:

К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»
Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся... [5, с. 293]

«Лесенка» в этом отрывке выделяет своеобразную паузу: Ангел замолкает в ожидании

ответа, а во взгляде Демона – лишь коварная усмешка. Второе полустипише «лесенки» совпадает с enjambement (переносом), благодаря чему подчеркивается слово «ответ». И действительно, вслед за усмешкой мы слышим ответ Демона Ангелу: «Она моя!», «Здесь больше нет твоей святыни, / Здесь я владею и люблю!».

Ангел был вынужден покинуть обитель «грешницы прекрасной»:

И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.
..... [5, с. 293]

Данный эпизод – один из ключевых моментов поэмы. В нём графический эквивалент маркирует беспомощность Ангела, невозможность сейчас помочь Тамаре. В то же время ГЭТ намечает на временную победу Демона над Ангелом, на их новую встречу и борьбу за душу Тамары. Такая встреча происходит уже не на земле, а на небе, после смерти девушки, когда Ангел не позволил «мрачному духу» забрать её «грешную душу», и «Демон побежденный» остался один «без упования и любви». Сравним строки первой и второй встречи Ангела с Демоном²:

И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.
.....
и
И Ангел строгими очами
На искусителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои...

Данное отточие обозначает также переход к кульминации и развязке: диалогу Тамары с Демоном, исповеди и клятве героя, смерти девушки. В этих эпизодах 4 «лесенки» выполняют функцию драматизации: полустипиши «ле-

²Переключка этих сцен отмечена в работе Е.В. Логиновской [13, с. 59], однако роль графического эквивалента текста в данном случае исследовательница не рассматривает.

сенки» принадлежат разным лицам, что усиливает эмоционально-экспрессивную насыщенность ситуации:

Т а м а р а
О! кто ты? Речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..

Д е м о н
Ты прекрасна! [5, с. 294]

<...>
Т а м а р а
Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Д е м о н
Против тебя ли?

Т а м а р а
Нас могут слышать!..

Д е м о н
Мы одне.

Т а м а р а
А бог!

Д е м о н
На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей! [5, с. 298]

Ещё одна «лесенка» появляется в тексте поэмы непосредственно перед развязкой, маркируя смену ракурса изображения:

Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное –
Люби меня!..

XI
И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам... [5, с. 301]

Клятва Демона завершается анафорой («Я опущусь...», «Я полечу...», «Я дам...») и лестничной разбивкой строки. Анафора здесь призвана акцентировать внимание на том, что

именно он (Демон) хочет всё сделать для Тамары, чтобы получить её любовь и своё возрождение. А «лесенка» имитирует неожиданное окончание клятвы и спуск Демона к Тамаре для поцелуя. Второе полустипише лестничной разбивки совпадает сenjambement («И он слегка / Коснулся...»), с помощью которого подчеркивается легкость трепетного, но «смертельного лобзания». И «мучительный ужасный крик» вырвался из груди героини.

В указанном случае употребления «лесенки» М.Ю. Лермонтов, на наш взгляд, идет вслед за А.С. Пушкиным, который в романе «Евгений Онегин» (1823–1831) совмещает приемы «лесенки» и переноса и имитирует с их помощью волнительное падение Татьяны на скамью при виде приближающегося Евгения:

Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью.
И, задыхаясь, на скамью
XXXIX

Упала...

«Здесь он! здесь Евгений!
О боже! что подумал он!»
(«Евгений Онегин»)

И, наконец, обратимся к последнему случаю графического форманта, встречающегося в развязке поэмы «Демон»:

Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.
..... [5, с. 302]

Сторож, обходящий вокруг стен монастырь, услышал крик и стон у «кельи девы юной», перекрестился и продолжил свой путь. Здесь эквивалент текста маркирует «нечестивое сомнение» старика, его желание отогнать грешные мысли и поскорее уйти. Строка точек выделяет еще переход к новой строфе, от развязки к финалу: похоронам Тамары и борьбе за её душу между Демоном и Ангелом.

Подводя итоги, отметим следующее: 1) появление всех 11 случаев формантов графики происходит в ключевые моменты сюжетно-композиционной организации поэмы; 2) в большинстве случаев Лермонтов прибегает к совме-

щению нескольких формантов графики: Демон, впервые увидев Тамару, был очарован ею (1 эквивалент текста), Тамара услышала чей-то загадочный шепот (1 курсив и 1 ГЭТ), встречи Демона с Ангелом (1 «лесенка», 1 графический эквивалент), встреча Демона с Тамарой (1 «лесенка»), исповедь, клятва Демона и смерть Та-

мары (4 «лесенки», 1 отточие); 3) помимо композиционных функций, графические форманты с большой эмоциональностью и выразительностью выполняют и психологические функции; 4) случаи совпадения «лесенки» с переносами показали активное взаимодействие графических и ритмико-синтаксических средств.

01.10.2014

Список литературы:

1. Борисова, И.М. Графический облик поэзии Ф.И. Тютчева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – №11. – С. 8–13.
2. Борисова, И.М. Графический облик поэмы Н.А. Некрасова «Современники» // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития: материалы Международной научной конференции: 25–27 ноября 2010 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. – 2010. – С. 214–223.
3. Борисова, И.М. А.С. Пушкин в истории графики русскогоклассического стиха / И.М. Борисова // Пушкин и пушкинские традиции: Материалы Международной конференции, посвященной году А.С. Пушкина в Казахстане (7–8 декабря 2006 г.). Часть I. КазНПУ им. Абая. – 2007. – С. 113–120.
4. Борисова, И.М. О функциях графических средств в поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» / И.М. Борисова, Н.А. Мелихова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – №11. – С. 4–7.
5. Лермонтов, М.Ю. Избранные произведения в двух томах. Т. 2 (1835–1841) / М.Ю. Лермонтов. – М.-Л.: «Советский писатель». – 1964. Т. 1 (1828–1834), 716 с.; Т. 2 (1835–1841), 740 с. – (Библиотека поэта. Бол.серия).
6. Логиновская, Е.В. Поэма М.Ю. Лермонтова «Демон» / Е.В. Логиновская. – М.: «Художественная литература». – 1977. – 118 с.
7. Роднянская, И.Б. Демон ускользающий / И.Б. Роднянская // М.Ю. Лермонтов: proetcontra. – СПб.: РХГИ. – 2002. – С. 766–791.
8. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов // Статьи. – М.: Советский писатель. – 1965. – 303 с.
9. Фохт, У.Р. «Демон» Лермонтова как явление стиля / У.Р. Фохт // М.Ю. Лермонтов: proetcontra. – СПб.: РХГИ. – 2002. – С. 506–530.

Сведения об авторе:

Борисова Ирина Михайловна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13, ауд. 1106а, тел: (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru